

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Философская мысль: рецепция и интерпретация

ПЬЕР АДО И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ¹

В.П. ВИЗГИН

Пьер Адо – чрезвычайно значительная, но до сих пор недостаточно оцененная фигура не только как историка, комментатора и переводчика античных авторов, но и как оригинального философа. Историк и философ в нем соединены в единое, неразрывное целое. Изучая античную философию, Адо задался вопросом: почему древние философы учат совершенно о разном? Ведь в обычных науках так не бывает. Почему, если считать философию объективным знанием, они в такой степени расходятся между собой и даже непримиримы друг с другом? Ответ на этот вопрос привел к его известной, но все еще недостаточно понятой и оцененной концепции философии как «духовных упражнений» особого рода. Дело в том, говорит Адо, отвечая на указанный вопрос, что античные философы мыслят и говорят изнутри своих особых неповторимых жизненных ситуаций. При этом они обращаются к душам людей в их конкретном существовании, стремясь сообщить им качества благой мудрой жизни. Речь не идет о познании общего объекта, никак не связанного с субъективностью человека, как это характерно для новоевропейского естественнонаучного познания. И вот именно поэтому их речи столь расходятся между собой. Иными словами, Пьер Адо зафиксировал тот основополагающий постулат экзистенциальной философии, который лаконично сформулировал в своем «Посткриптуме» Кьеркегор: истина не объект, истина – субъект². А раз истина в субъекте, то само ее искание направлено на преобразование существования конкретного человека, субъекта не только истории и культуры, но и самой возможности абсолютного смысла. Итак, изначальный факт поразительного рассогласования дискурсов древних мыслителей вытекает, говорит Адо, из того, что философия есть не теоретическое познание внешнего объективного мира, а внутренняя практика самоизменения человека с помощью специфического ансамбля «духовных упражнений». Итак, философия открылась для Адо «как почти всегда, пусть и дискурсивная активность – рациональная или имагинативная, – но нацеленная

на изменение образа жизни и манеры видения мира нами самими или другими людьми»³. Поиск Адо как философа, питаемый этой открывшейся ему интуицией, привел его к концепции философии как «духовных упражнений». Пьер Адо тем самым дал шанс современной философии, увязшей в наукообразном экзистенциально-атональном дискурсе, вернуться к себе самой, вновь обрести утраченный ею экзистенциальный тонус. Благодаря его посланию, слово в философском дискурсе снова начинает пониматься как по сути своей обращенное к человеческой душе, к изменению к лучшему способа жизни конкретного человеческого существа.

Такое понимание философии имеет основание называться экзистенциальным. Правда, в данном случае речь идет об экзистенциальности, берущей свое начало в языческой Античности, а не в иудео-христианской культурной традиции, с которой мы обычно связываем привычный для нас образ экзистенциальной мысли. Но именно Адо, как никто другой, быть может, показал, что между этими фундаментальными традициями и, соответственно, между обусловленными ими историческими типами экзистенциальности существует не только глубокое расхождение, но и не менее глубокое сходство и преемственность. Пьер Адо пришел к своей экзистенциальной трактовке философии в послевоенные годы, когда с воодушевлением осваивал самые разные школы мысли, учась одновременно в Католическом институте и в Сорбонне, интересуясь и античными авторами и новыми, такими, как Мартин Хайдеггер или Габриэль Марсель.

Остановимся более подробно на его отношении к Марселю. С юных лет воспитываемый в католических образовательных учреждениях и, кроме того, интересующийся различными мистическими течениями и практиками, Адо, естественно, сблизился с кругом людей, введших его в марселевский семинар, в мир знаменитых «пятниц» в доме 21 по улице де Турнон. Еще до того, учась в Большой семинарии в Версале, он с увлечением читал книги Габриэля Марселя. Как же Пьер Адо воспринял марселевские «пятницы»? Вот его отзыв: «Я посещал все заседания пятничного семинара, которые устраивались по вечерам Габриэлем Марселем. Многие из его книг и даже пьесу «Расколотый мир» я прочел, когда преподавал в Большой семинарии. И я многому научился... Эти заседания я посещал целый год, но сам Габриэль Марсель, воспринимаемый в такой близости к нему, как и люди вокруг него, мне не понравились из-за их в избытке оснащенного терминами многословия (*verbiage artificiel*)»⁴.

Это воспоминание требует комментария. Интересно, на наш взгляд, сопоставить отношение Пьера Адо к семинару Марселя с

отношением к нему Николая Бердяева⁵, активного участника того же самого семинара в 30-х годах. Как и русский философ, Адо различает экзистенциальную философию и философствование об экзистенции и, соответственно, экзистенциального философа и философа экзистенции. Философ существования философствует о существовании, строит дискурс о нем как предмете своей мысли. «Экзистенциальный же философ, — говорит Пьер Адо, — в конечном счете в силу самой своей экзистенции *есть* философ, его философия в значительной мере образует единое целое с его существованием»⁶. Иными словами, философична сама его жизнь, его образ жизни. Моделью для Адо служит античная философия. Так, например, императора Марка Аврелия называли философом задолго до того, как узнали, что он автор «Размышлений». Адо определяет экзистенциальность философа, опираясь в первую очередь на античные языческие образцы. В этом он расходится с Бердяевым, оценивающим экзистенциальность философа по масштабу воплощенной в нем христианской свободы и творческой силы. Примером ему здесь служит не римский император-стоик, а такие мыслители Нового времени, как Паскаль, Кьеркегор и Ницше. Образ же философа существования Бердяевым и Адо рисуется одинаковым образом: у такого философа имеются только рассуждения, претендующие на теорию, вербальные построения об экзистенции, только дискурс о ней. Бердяев и Адо сходным образом применяют это различие к оценке Марселя, считая его скорее философом экзистенции, чем действительно экзистенциальным философом. Правда, в отличие от Бердяева, Адо прямо этого не говорит, характеризуя весь современный ему экзистенциализм как философствование об экзистенции. Вот его слова: «У меня всегда было впечатление, что экзистенциалисты в конце концов понимали философию как решение, как выбор жизни, но зачастую ограничивались только дискурсом о существовании. Это общая проблема, которая, вероятно, нерешаема»⁷. Трудно передаваемое в переводе выражение «*verbiage artificiel*» указывает, что говорение об экзистенции и об экзистенциальной философии на семинаре Марселя заслонило в глазах Адо жизнь его организатора как воплощенную экзистенциальную философию (во всяком случае, на заседаниях семинара он ее не увидел, что, впрочем, неудивительно). Здесь уместна и такая ремарка. Пьер Адо совершенно не имел склонности к какому бы то ни было философскому спецжargonу, что свидетельствует, на наш взгляд, о *художественной* составляющей в его восприятии философской мысли. Этот момент, однако, не может не сближать его как раз с Габриэлем Марселем. На «пятничных» собраниях в доме 21 по улице де Турнон таким жаргоном был, прежде всего, язык феноменоло-

гии, который при пересадке с германской почвы на французскую порой не мог не выглядеть неуклюжим («artificiel»), что было ясно и самому руководителю семинара. Габриэль Марсель, подобно Пьеру Адо, стремился к тому, чтобы в философии обходиться ресурсом обыкновенного языка с минимумом специальных терминов, но внимательно отслеживая при этом употребление каждого слова. Не в последнюю очередь именно поэтому книги и статьи Марселя нравились Адо. Ему близка была безыскусственность и ясность его письменной речи, чем он сам привлекал впоследствии своих читателей. К сожалению, подобной «неслыханной простоты» он не встретил на заседаниях семинара Марселя. «Действительно, — признается он Арнольду Дэвидсону, — я многому у него научился, но не тогда, когда его слушал, а тогда, когда читал его книги»⁸.

И становится понятным, почему, когда Адо говорит о современной философии, выражение «экзистенциальная философия» у него практически не встречается. Он предпочитает говорить об «экзистенциализме», употребляя распространенный термин, с которым Марсель решительно не хотел иметь ничего общего. В 1946 году для Адо экзистенциализм — в первую очередь была именно философия Марселя, потому что она представляла собой христианский его вариант, а сам Адо в то время находился «под исключительно сильным воздействием христианства»⁹. Но сближала его с марселевской философией не только его тогдашняя христианская ориентация, но и присущая ему как личности интеллектуальная и духовная чувствительность.

Приведу пример. Адо изучал в те же годы, конечно, и Сартра. Но в его творчестве более интересной, чем трактат «Бытие и ничто», ему показалась повесть «Тошнота». Почему? Потому что в этой повести Сартр передал свой личный экзистенциальный опыт восприятия существования как такового. Но, как замечает Адо, столь же обоснованно можно говорить об изумлении перед тайной существования, сколь и о тошноте, которую она вызывает. Сартр подчеркнуто демонстрирует негативную реакцию на факт существования. Но Адо вовсе не считает ее метафизически оправданной. Сам он испытывает чувство изумления, удивления, восхищения, даже экстаза перед тайной бытия. И в этом он сходится не только с классической античной традицией, видевшей в этом чувстве начало философского поиска, но и с христианским экзистенциализмом Марселя, для которого в восхищении перед таинством бытия больше латентной метафизики, чем в восприятии мира как абсурдного, внушающего человеку только отчаяние. Отношение не только к Сартру, но и к Хайдеггеру у Марселя и у Адо также во многом является сходным. Возможно, именно Марсель указал Адо на книгу бельгийского философа Альфонса де Веленса о философии Хайдеггера¹⁰, напри-

мер, своей рецензией на нее¹¹. Именно по этой книге Адо впервые познакомился с концепцией немецкого философа. Книга де Веленса написана ясно и глубоко, что и позволило ему войти в трудную мысль автора «Бытия и времени».

Теперь мы должны упомянуть еще одного философа, экзистенциалиста и феноменолога, Мориса Мерло-Понти, философия которого с годами привлекала Пьера Адо все больше и больше. Его «Феноменология восприятия» (1945) произвела на Адо неизгладимое впечатление. Тезис Мерло-Понти о том, что задача философии — научить человека по-новому видеть мир, он часто повторяет на страницах своих книг¹². Простые слова «видеть» и «мир» метафизически важны для Адо. Экзистенциальная феноменология человека-в-мире, опыт восприятия мира и его конструирования человеком посредством чувств и разума вместе — все эти мотивы Мерло-Понти особенно близки Адо. Чтобы убедиться в этом, обратимся к его последней книге, посвященной истории идеи природы в европейской культуре.

В этой книге, интерпретирующей культурную символику «стыдливости» природы, прослеживая ее историю от легендарных слов Гераклита («Природа любит скрываться») до Хайдеггера и Мерло-Понти, почти не нашлось места Габриэлю Марселю. Мы говорим «почти», потому что одно такое упоминание все-таки есть. Приведем его: «Противопоставляя проблему и тайну, — пишет Адо, — Мерло-Понти, *вероятно*, намекает на интересное различие, сделанное христианским экзистенциалистом Габриэлем Марселем»¹³. И дальше Адо цитирует Марселя, давшего определение указанного различения в книге «Быть и иметь» (1935). Может несколько удивить слово «вероятно» по отношению к аллюзии на Марселя как на источник указанного различения. Ведь у Мерло-Понти, насколько нам известно, не было отличного от Марселя понимания этого различения. Но нам важно подчеркнуть не это, а то, что Пьер Адо по-прежнему считает данное различие «интересным» и продолжает использовать его в своих работах, как и другое фундаментальное различие: «иметь» и «быть», обоснованное Марселем. Кстати, существует одна полузабытая ныне рецензия молодого Мерло-Понти именно на цитируемую в данном контексте книгу Марселя¹⁴. Адо мог и не знать об этой затерявшейся в периодике рецензии середины 30-х годов. Но и без того ясно, что Мерло-Понти внимательно изучал работы Марселя, оказавшие на него определенное воздействие, хотя его путь в философии был совсем другим. В какой-то степени, видимо, можно говорить о смене тональности отношения Адо к философии Габриэля Марселя, сравнивая ее восприятие в молодые годы, отраженное в его автобиографической книге, и в поздний период его творчества. Возникает впечатление,

что Марсель теперь как бы ступшевывается, заслоняется фигурой Мерло-Понти и, можно добавить, фигурой Витгенштейна¹⁵. И это не удивительно, если иметь в виду, что интересы Марселя, в отличие от Адо, всегда были далеки как от естествознания, так и от любого натурализма и космизма. Но при этом не менее существенно и то, что уроки марселевской мысли были глубоко усвоены Адо, и что он постоянно обращается к некоторым его основным идеям¹⁶.

Последний штрих к теме почти полного умолчания о Марселе в книге об Изиде и ее покрове. В этой работе Адо уделяет немалое место орфизму, упоминает и Рильке с его словами из «Сонетов к Орфею»: «Песня – Бытие» («Gesang ist Dasein»), но при этом не упоминает Марселя, который не только глубоко исследовал орфизм Рильке, но и сам во многом мыслил в этом ключе, за что его философия получила название «христианского орфизма». Возможно, Адо не знал этих работ, хотя статьи о Рильке появились в сборнике «Номо viator», увидевшем свет в 1944 г., а в послевоенные годы Адо как раз с увлечением читал книги Марселя. Создается, однако, впечатление, что для Адо с какого-то времени творчество Марселя загородил ярлык «христианского экзистенциалиста», данный ему редактором упомянутого выше сборника. Кстати, поздние ссылки Мерло-Понти на Марселя похожи на эти ссылки на него Адо – для Мерло-Понти Марсель застыл в ярлыке «католический философ». Увы, не мыслить общими категориями о другой мыслящей личности философ, видимо, не может, хотя это и показано философии, если она хочет быть экзистенциальной. Но, надо сказать, Марсель и Адо это понимали лучше многих других, хотя их пути и разошлись в пространстве философских мировоззрений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выступление на Международном семинаре «Философия как духовное упражнение и образ жизни», посвященном памяти Пьера Адо (1922 – 2010), почетного профессора Коллеж де Франс (7. 06. 2011, ИФРАН).

² «Сам Бог есть субъект», – говорит датский философ (*Кьеркегор С.* Заключение ненаучное послесловие к «Философским крохам». – СПб., 2005. – С. 217).

³ *Hadot P.* Wittgenstein et les limites du langage. – Paris, 2004. – P. 11.

⁴ *Hadot P.* La philosophie comme manière de vivre. – Paris, 2001. – P. 42.

⁵ См.: *Бердяев Н.* Самопознание. – М., 1990. – С. 263.

⁶ *Hadot P.* La philosophie comme manière de vivre. – P. 206.

⁷ *Ibid.* – P. 207. На наш взгляд, по отношению к Габриэлю Марселю это неверное восприятие, хотя некоторые основания для него имеются. Ведь, действительно, как справедливо говорит Адо, отделить говорение о существовании от самого существования как воплощения философии невозможно уже постольку, поскольку философия, особенно современная, по преимуществу пользуется именно дискурсом, притом в форме письма, литературы. Бердяев решительным образом отказывал в определении «экзистенциальный философ» и Хай-

деггеру и Ясперсу. На наш взгляд, эти бердяевские оценки более справедливы, чем его аналогичная оценка по отношению к Марселю.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. – P. 208.

¹⁰ *Waelhens A. de*. La philosophie de Martin Heidegger. – Louvain, 1942.

¹¹ *Marcel G.* Autour de Heidegger//Dieu vivant. VIII. 1945. – P. 89–100.

¹² Адо не раз цитирует слова Мерло-Понти «философия состоит в том, чтобы вновь научить видеть мир» («la philosophie consiste a rapprendre a voir le monde». Ibid. – P. 207). В книге о покрове Изида он цитирует фрагмент из предисловия Мерло-Понти к «Феноменологии восприятия»: «Мир и разум не составляют проблемы; они, если хотите, таинственны, но таинство это их определяет, и не может быть речи о том, чтобы его развеять каким-нибудь решением, оно вне каких-либо решений. Подлинная философия в том, чтобы снова научиться видеть мир» (*Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб., 1999. – С. 21).

¹³ *Hadot P.* Le voile d'Isis. Essai sur l'histoire de l'idee de Nature. Paris: Gallimard, 2004. – P. 309 (курсив наш. – В.В).

¹⁴ *Merleau-Ponty M.* «Etre et avoir»//La Vie Intellectuelle. 1936. Oct. – P. 98–109.

¹⁵ В книге о Витгенштейне собраны статьи разных лет. В лекции 1962 г. «Языковые игры и философия» Адо использует скрытую цитату из Марселя, избегая, кстати, и другого задействованного в ней имени, а именно, Жана-Поля Сартра. Это происходит по разным причинам, но самой важной, на наш взгляд, является то, что Адо здесь нужен яркий пример для иллюстрации идеи языковых игр, которая была ему близка, как и мистицизм Витгенштейна (см.: *Hadot P.* Wittgenstein et les limites du langage. – Paris: Vrin, 2004. – P. 93).

¹⁶ Например, в книге «Плотин, или Простота взгляда» (М., 1991. – С. 160) Адо использует фундаментальную оппозицию между «иметь» и «быть» в марселевском смысле.

Аннотация

Концепция философии как «духовных упражнений», выдвинутая в работах Пьера Адо (1922–2010), по мнению автора статьи, содействует сближению современной философской мысли с основным пафосом экзистенциальной философии. В статье рассматривается отношение Адо к экзистенциализму на примере его рецепции философии Габриэля Марселя (1889–1973), участником семинара которого он был.

Ключевые слова: Пьер Адо, духовные упражнения, экзистенциальная философия, экзистенциализм, Габриэль Марсель.

Summary

The conception of the «exercices spirituels» advanced in the works of Pierre Hadot (1922–2010) contributes to the rapprochement between the modern philosophical thought and the leading spirit of the existential philosophizing. The paper explores the Hadot's relations to the existentialism illustrated by his reception of the philosophy of Gabriel Marcel (1889–1973).

Keywords: Pierre Hadot, spiritual exercises, existential philosophy, existentialism, Gabriel Marcel.